
МЕДИА И ОБРАЗОВАНИЕ

MEDIA AND EDUCATION

Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 2 (48). С. 6–12.

eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).

Знак: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2023;2(48): 6–12.

eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).

Научная статья

УДК 316.76.2

DOI 10.47475/2070-0695-2023-48-2-6-12

МЕДИАПРАВОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК НОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Анна Георгиевна Донских

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, anna_kapustina@mail.ru

Аннотация. Автор статьи рассматривает новую компетенцию индивида в цифровой среде – медиаправовую грамотность. Цель данной статьи – выявить основные признаки понятия и сферы применения медиаправовой грамотности, рассмотреть инструментарий, позволяющий осваивать новую компетенцию. Медиаправовая грамотность – область пересечения таких понятий, как правовая, цифровая и медиаграмотность, взаимосвязанные компоненты которых формируют самостоятельную компетенцию современного человека в медиатизированной среде, отвечающую новым вызовам современности. Методология исследования опирается на научные труды в области медиаобразования, цифровой и правовой грамотности, результаты социологических исследований, судебные решения, нормативно-правовые документы. Автор приходит к выводу, что медиаправовая грамотность – это одновременно универсальная компетенция, необходимая как для повседневного взаимодействия с миром медиа, так и профессиональной деятельности индивида, эффективный инструмент противодействия угрозам цифровой среды и средство разрешения противоречий между ускоренным развитием новых технологий и недостатками их юридического регулирования. Медиаправовая грамотность, освоение которой должно осуществляться посредством многоуровневой системы образования, способствует формированию знаний в области медиаправа и умений их применять в процессе взаимодействия с медиасредой, пониманию ценности прав человека как в офлайн, так и онлайн среде, формированию медиаправовой культуры.

Ключевые слова: медиаграмотность, юридическая медиаграмотность, медиаправовая грамотность, медиаправовой нигилизм, медиаправовая культура, безопасность.

Для цитирования: Донских А. Г. Медиаправовая грамотность как новая компетенция в цифровой среде // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 2 (48). С. 6–12. doi: 10.47475/2070-0695-2023-48-2-6-12

Original article

MEDIA LAW LITERACY AS A NEW COMPETENCE IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Anna G. Donskikh

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia, anna_kapustina@mail.ru

Abstract. The author of the article considers a new competence of an individual in the digital environment – medialaw literacy. The purpose of this article is to identify the main features of the concept, the areas of application of medialaw literacy and consider the tools that allow to get a new competence. Medialaw literacy is an area of intersection of such concepts as legal, digital and media literacy, the interrelated components of which form an independent competence of a modern person in a mediatized environment that meets the new challenges of modernity. The research methodology is based on scientific works in the field of media education, digital and legal literacy, the results of sociological research, court decisions, regulatory documents. The author comes to the conclusion that medialaw literacy is at the same time a universal competence necessary both for everyday interaction with the world of media and for the professional activity of an individual, an effective tool for countering threats to the digital environment and a means of resolving contradictions between the accelerated development of new technologies and the shortcomings of their legal regulation. Medialaw literacy, the assimilation of which should be carried out by a multidirectional and multi-level education system, contributes to the formation of knowledge in the field of media direction, the ability to apply them in the process of interaction with the media

environment, understanding the value of human rights in both offline and online environments, the formation of media direction culture.

Key words: media literacy, legal media literacy, medialaw literacy, medialaw nihilism, medialaw culture, security.

For citation: Donskikh A. G. Media law literacy as a new competence in the digital environment. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 2023; 2(48): 6–12. (In Russ.). doi: 10.47475/2070-0695-2023-48-2-6-12

Введение

Мир медиа непрерывно меняется, проникая во все сферы человеческой деятельности. Медиатизация как главный тренд современности – явление неоднозначное: ему свойственны как положительные, так и негативные аспекты. С одной стороны, информационные технологии облегчают и ускоряют повседневные операции в любой области деятельности, с другой – разрушают традиционные ценности, угрожая не только духовной, но и юридической безопасности индивидов. Цель данной статьи – рассмотреть новую компетенцию современности – медиаправовую грамотность, выявить ее основные признаки и сферы применения, а также инструментарий, позволяющий осваивать новую компетенцию. Методология исследования опирается на научные труды в области медиаобразования, цифровой и правовой грамотности, результаты социологических исследований, судебные решения в отношении информационных споров с участием пользователей информационных ресурсов, нормативно-правовые документы.

Медиаграмотность как базовая компетенция современного человека, взаимодействующего с медиатизированной реальностью, расширяет свои границы. Объем этого понятия охватывает разные аспекты, в том числе инструментарий безопасного взаимодействия с миром медиа: способность личности, социальной группы, общества, государства противостоять негативному воздействию на индивидуальное и общественное сознание, обеспечивая информационную или медийную безопасность при взаимодействии с медиасредой (Федоров 2014: 13). Полагаем, что универсальным механизмом обеспечения безопасности являются нормы права, общеобязательные для исполнения и призванные противостоять деструктивным воздействиям.

Поведение индивида в цифровой среде существенно изменилось. Благодаря новым технологиям из пассивного потребителя информации он превратился в активного субъекта информационно-коммуникативных отношений. Побочным эффектом такой трансформации являются изменения всей структуры информационно-коммуникативных процессов, усиление деструктивных аспектов функционирования медиасреды, ужесточение законодательного регулирования данной сферы.

Несмотря на то, что законодательство неизбежно отстает от развития технологий, к настоящему моменту сформировалась система юридических норм, регулирующих поведение индивидов в интернет-среде. Эти правила касаются поведения и пределов допустимости использования тех или иных речевых оборотов в процессе коммуникации, правового статуса субъектов информационно-коммуникационной деятельности, распространения информации, использования объектов интеллектуальной собственности, защиты персональных данных, вторжения в частную жизнь и т. д.

Также следует учитывать, что из-за отставания законодательства от технологического развития, новые участники информационно-коммуникационных отношений вынуждены принимать собственные правила: социальные сети, цифровые платформы действуют на основе принципов саморегулирования, разрабатывая не только правила работы с сервисами, но и внедряя собственные алгоритмы проверки легальности контента. Устанавливаемые данными субъектами правила являются юридически значимыми для пользователей. В отношении новейших технологий, например метавселенных, отсутствуют не только правила, но и методы правового регулирования, что потенциально несет угрозы для информационной безопасности личности и общества. Таким образом, сфера правового регулирования медиасреды подвижна, изменчива и требует базовых медиаправовых знаний для грамотного и безопасного взаимодействия с миром медиа.

Теоретические основы понятия «медиаправовая грамотность»

Развитие цифровых технологий в начале XXI века способствовало появлению нового компонента медиаграмотности – юридической, или медиаправовой, грамотности. Понятие «грамотность» с тем или иным определением, по мнению исследователя А. В. Шарикова, возникает тогда, когда появляется и находит достаточно широкое распространение некоторое явление социально-культурного порядка. И если первоначально понятие «грамотность» связывалось с умениями и навыками трех видов – читать, писать, считать, то, начиная с середины XX века, появилось множество направлений, так или иначе связанных с информационно-коммуникационными технологиями, которые объявляли о необходимости формирования соответствующей грамотности (Шариков 2018: 97).

Медиатизация повседневности послужила причиной обращения к медиаправовой грамотности. Под медиаправовой грамотностью мы понимаем знание и непосредственное применение правовых норм, регулирующих поведение индивида в медиасреде и информационно-коммуникативную деятельность, связанную с поиском, получением и распространением информации, созданием и потреблением

медиаконтента, общением и любым другим способом использования медиа и взаимодействия посредством медиа. Это – важная компетенция современного человека, относящаяся и к бытовой, и к профессиональной сферам деятельности.

Медиаправовая грамотность – плоскость пересечения таких понятий, как правовая, цифровая и медиаграмотность. Неизбежность смысловых совпадений отдельных аспектов этих понятий очевидна. С одной стороны, данные понятия дополняют друг друга, с другой – имеют самостоятельные значения. У базового термина – «медиаграмотность» – есть множество определений, основанных на разных подходах к изучению данного явления (Лазутина 2017, Чичерина 2012, Арутюнов 2013, Быков, Медведева 2020) и др. В словаре А. В. Федорова – пять определений, отражающих концепции как зарубежных, так и российских научных школ. Медиаграмотность – это и результат изучения медиа, процесса медиаобразования, и способность использовать, анализировать, оценивать и передавать сообщения в различных формах, и показатель уровня гражданской ответственности индивида (Федоров 2014: 24–25).

К проблеме формирования правовой грамотности населения обращаются представители разных гуманитарных дисциплин (Атагимова, Макаренко 2015; Васильева, Зеленина 2018; Иванова 2019; Маликов 2017; Мантурова 2009 и др.), поэтому в данной области также наблюдается большое разнообразие подходов. По мнению авторов монографии «Формирование правовой грамотности и правовой коммуникации: теория и практика», правовая грамотность стала важной составляющей «навыка XXI века», культурной и гражданской грамотностью (Формирование правовой...: 11). Обобщая разнообразные подходы, исследователи определяют правовую грамотность как систему знаний, навыков, компетенций, возможностей сознательно разумного поведения субъекта в области права, которые он сможет выстраивать на протяжении своей жизни и в соответствии с постоянно изменяющимися правовыми отношениями (Формирование правовой...: 15).

Правовая грамотность – это основа личной безопасности индивида в цифровой среде. И в данном контексте смысл этого понятия созвучен с понятием цифровой грамотности. Цифровая грамотность – многоаспектный термин, порожденный последствиями цифровой революции, представляющий собой совокупность компетенций, связанных с умением пользоваться всеми доступными инструментами цифровой среды ответственно и безопасно. Анализируя эволюцию теоретических подходов понятия «цифровая грамотность», А. В. Шариков предложил обобщенную четырехкомпонентную модель данного явления. Она включает основные направления в исследовании и практическом применении концепта «цифровая грамотность»: психолого-педагогический, медийно-информационный, индустриальный и ИКТ подходы (Шариков 2018: 105). Каждый из предложенных исследователем подходов содержит цифровые компетенции, связанные с обеспечением разных аспектов безопасности.

Как в теоретических, так и прикладных исследованиях, определенные аспекты цифровой грамотности содержат также правовую грамотность. Эксперты НАФИ, например, среди цифровых компетенций выделяют навыки работы с авторскими правами при создании цифрового контента, обеспечения безопасности персональных данных, а цифровую грамотность понимают как набор цифровых компетенций, к которым относятся информационная и коммуникативная грамотность, создание цифрового контента, цифровая безопасность, навыки решения проблем в цифровой среде (Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году, <https://nafu.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu/>). В этом определении цифровой грамотности наблюдаем компоненты, свойственные, в частности, медиаграмотности.

Все рассмотренные компетенции формируют навыки современного человека в медиатизированной среде, отвечающие новым вызовам современности. В то же время совпадение юридических аспектов в рассматриваемых компетенциях, таких как безопасность, персональные данные, авторские права, обценная лексика, полагаем, создает определенные методологические сложности, которые в перспективе лишь усилятся. Для их устранения требуется выделение отдельной самостоятельной компетенции, объединяющей именно правовые знания в области взаимодействия с медиа. Помимо терминологической ясности, существует еще одна веская причина, обусловленная текущим социально-культурным этапом развития общества.

Внедрение медиаправовой реальности в повседневную жизнь произошло незаметно, но тенденция сохраняет актуальность и «молодеет». В современном мире каждый человек одновременно является активным потребителем медиа и создателем медиаконтента, может представлять угрозу информационной безопасности и сам подвергаться негативным воздействиям. Любые действия в Интернете, будь то скачивание файлов, копирование текстов, регистрация аккаунтов, переписка, комментарии, отзывы, лайки, репосты, онлайн-покупки, даже онлайн-игры, являются юридически значимыми, а нарушение тех или иных правил может привести к юридическим конфликтам.

Подрастающее поколение сталкивается с реалиями медиаправа в раннем возрасте, поскольку осваивает разнообразные гаджеты и интернет-ресурсы намного раньше азбуки и арифметики. Этот аспект зачастую специфически влияет на восприятие окружающего мира и дальнейшее поведение, стирая границы между

виртуальным и реальным пространствами. Тем не менее, некоторые действия, которые могли бы остаться незамеченными офлайн, становятся юридически значимыми онлайн. Запущенный в юном возрасте медиаправовой нигилизм может спровоцировать серьезные проблемы в будущем.

Сферы применения медиаправовой грамотности

Судебная практика показывает, что пользователи интернет-ресурсов зачастую привлекаются к юридической ответственности за правонарушения, совершенные неумышленно, по причине незнания тех или иных норм права (Донских 2021). Проведенный автором статьи мониторинг судебных конфликтов с участием интернет-пользователей показывает, что растет количество информационных споров, спровоцированных пользовательским контентом, а самой распространенной сферой нарушений являются форумы информационных ресурсов, социальные сети, мессенджеры. Наиболее частые нарушения связаны с распространением индивидами в интернет-среде ложных, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, фейков, материалов экстремистского характера, оскорблениями, нарушениями неприкосновенности частной жизни, авторских прав, права на изображение, разглашением конфиденциальных сведений. В качестве реакции на новые информационные конфликты высшие судебные инстанции обновляют рекомендации регулирования юридических конфликтов в Интернете, в том числе в социальных сетях и мессенджерах, однако данная информация циркулирует, как правило, в профессиональной среде и широкому кругу лиц незнакома. Как и то, что разнообразные продукты цифровой активности индивидов, будь то переписка в мессенджерах, мемы, лайки, эмодзи, используются в качестве доказательств в судебных разбирательствах.

Анализ судебной практики позволил автору прийти к выводу, что юридические знания для взаимодействия с интернет-средой одинаково необходимы как в повседневной жизни, так и профессиональной деятельности индивида. Для представителей коммуникационных профессий, например журналистов, медиаправовые знания являются не только профессиональными компетенциями, но и профессиональной обязанностью. Так, профессиональная деятельность журналиста опирается на работу с информацией, а все действия, связанные с ее поиском, получением, обработкой и распространением, являются юридически значимыми, поскольку осуществляются в основном в Сети с использованием разнообразных интернет-ресурсов и цифровых платформ. От того, насколько грамотно журналист определит правовой статус того или иного сетевого ресурса, будут зависеть порядок и условия его работы с находящейся там информацией, будь то СМИ, городской паблик, блог, личная страница пользователя социальной сети, форум, сайт органа государственной власти или коммерческой организации, сервис частных объявлений и т. д. Практически те же знания и навыки требуются любому другому индивиду, как в профессиональном, так и повседневном взаимодействии с интернет-средой.

Общедоступность информации не является гарантией ни ее юридической чистоты, ни свободного использования. С этим аспектом связаны проблемы незаконного использования информации, находящейся на определенном ресурсе, либо нелегальности самой информации. С недавних пор российское законодательство социально значимую информацию наделило юридически важными признаками, а за распространение ложной информации под видом общественно значимых сведений, то есть фейков, в зависимости от степени тяжести предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Таким образом, в современном медиапространстве достоверная информация – это и ключевая ценность, и условие информационной безопасности, и юридически значимая категория.

В процессе работы с теми или иными ресурсами и специалистами, и обычные пользователи могут столкнуться с непристойным, оскорбительным, дискредитирующим, экстремистским, нарушающим чьи-то права на неприкосновенность частной жизни, защиту конфиденциальных сведений контентом. Если такой контент или источник оказываются вне закона, юридические последствия могут распространяться на всех, кто так или иначе их использует: цитирует, комментирует, размещает ссылки, репосты, лайки. Общедоступный контент также может быть под охраной законодательства об интеллектуальной собственности.

Введенные законодательством требования маркировки содержания медиапродукции являются юридически обязательной процедурой для многих субъектов креативных индустрий. Однако разбираться в специфике маркировки контента в новых реалиях приходится не только экспертам, но и обычным пользователям, поскольку такие требования предназначены для обеспечения безопасности как отдельных сегментов аудитории, так и общества в целом. Современное законодательство предусматривает различные ситуации маркировки: для информации, запрещенной или ограниченной к распространению среди детей, указания на нелегальность статуса субъекта или особый режим использования контента, маркировки рекламного контента. Список субъектов, источников, ситуаций, в отношении которых требуется маркировка или особый режим использования, продолжает увеличиваться.

Цифровая революция расширила инструменты и возможности для творческого самовыражения, постепенно размывая границы между профессиональной авторской деятельностью и любительской. Данное

обстоятельство привело к интенсивному нарушению авторских прав, бесконтрольному копированию и заимствованию чужих произведений, сопровождающемуся обесцениванием как самих принципов авторского права, так и творческого процесса в целом. Для авторских прав на результаты творческой деятельности все чаще используется далеко не равноценный синоним – права на контент.

В Интернете функционируют каналы, ведущие которых, наряду с информацией о требованиях авторского права, дают советы, как эти требования обойти с помощью специальных компьютерных программ, например, как безнаказанно использовать чужую музыку. После того как в 2018 году социальная сеть «ВКонтакте» запустила специальную программу для проверки оригинальности загружаемого пользовательского контента «Немезида», некоторые блогеры, протестировав ее работу, начали давать рекомендации, как обмануть алгоритм. В результате в 2022 году администрация «ВКонтакте» изменила принципы работы «Немезиды», отменив систему наказания недобросовестных пользователей (ВКонтакте больше не будут наказывать паблики, которые копируют чужой контент, <https://ppc.world/news/vkontakte-bolshe-ne-budet-nakazyvat-pabliki-kotorye-kopiruyut-chuzhoj-kontent/>). Однако специальные алгоритмы проверки уникальности контента есть далеко не у всех российских социальных сетей.

Судебная статистика свидетельствует, что в делах о нарушениях прав на интеллектуальную собственность лидируют дела в области авторских прав (Статистика судебной практики по защите интеллектуальной собственности, <https://nris.ru/blog/statistika-sudebnoj-praktiki-po-zashite-intellektualnoj-sobstvennosti/>). Защищенность объектов авторских прав по-прежнему зависит как от правомерного поведения пользователей, так и самих создателей произведений. Во время проведенной автором данной статьи открытой лекции в Южном федеральном университете «Ваше творчество и авторские права. Как в этом разбираться в цифровую эпоху?» слушатели – студенты направлений подготовки «Журналистика», «Филология», «Реклама и связи с общественностью» – поделились собственным опытом защиты авторских прав. Треть присутствовавших лично столкнулись с нарушениями их авторских прав. Большинство нарушений удалось устранить после непосредственных обращений к нарушителям. Данное обстоятельство подтверждает важность формирования медиаправовых знаний и умений их оперативно применять не только в студенческой и профессиональной среде, но и среди широких слоев населения.

Проблемы безопасности личной информации в Сети уже давно за пределами цифровой или медийной грамотности и в большей степени касаются отсутствия юридических знаний применительно к базовым правам человека. Беспечное отношение к безопасности личной информации порождает пренебрежение к безопасности данных других субъектов. Безусловно, никто, кроме самих пользователей, не несет ответственности за непосредственное размещение личных данных, но за их использование и распространение юридическая ответственность может наступить для широкого круга лиц. До недавнего времени самой популярной средой злоупотреблений были социальные сети, содержащие одновременно как конфиденциальную, так и общедоступную информацию. Новые угрозы влекут технологии метавселенных.

Сам термин «метавселенная» исследователи определяют как среду виртуальной реальности, в которой пользователи взаимодействуют с аватарми друг друга и своим окружением с эффектом погружения (Евсиков 2023: 48). Несмотря на повсеместное внедрение метавселенной в повседневную жизнь, правовое регулирование данного явления отсутствует не только в России, но и за рубежом. Эксперты прогнозируют, что среди первых пользователей метавселенной будут правонарушители (Евсиков 2023: 48). И выделяют проблемы, связанные с безопасностью персональных данных, правом на изображение, неприкосновенностью частной жизни, распространением деструктивного контента, унижением чести и достоинства личности, оскорблениями, угрозой психическому здоровью, общим снижением норм морали и этики (Дарья Каспарьянц Метавселенная: возможности и риски новой реальности, <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/>). Популярная, например, метавселенная VR Chat уже изобилует оскорблениями, домогательствами, проявлениями расизма и порнографическим контентом (Евсиков 2023: 49).

Полагаем, что под угрозой негативного воздействия метавселенных в первую очередь – молодое поколение, для которого виртуальные миры, в частности социальные сети, стали привычным «местом обитания» (Лебедева 2017: 156). Социологические исследования постоянно подтверждают, что именно молодежь склонна размещать личную информацию в Интернете и не беспокоиться о ее безопасности. По данным ВЦИОМ, молодые люди чаще других обновляют фотографии в социальных сетях – от нескольких раз в месяц до нескольких раз в неделю (Социальная сеть – фотоальбом XXI века, <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-set-fotoalbom-xxi-veka>), в меньшей степени опасаются передачи личных данных третьим лицам (Персональные данные в Интернете: угроза утечки и как с ней бороться, <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja>).

Заключительные положения

Спектр проблем юридической медиаграмотности, требующих решений, расширяется за счет появления новых прецедентов. Медиатизация реальности обуславливает новые вызовы, а привычные

явления приобретают юридически значимые признаки. Медиаправовая грамотность – это одновременно универсальная компетенция, необходимая как для повседневного взаимодействия с миром медиа, так и профессиональной деятельности индивида, эффективный инструмент противодействия угрозам цифровой среды и средство разрешения противоречий между ускоренным развитием новых технологий и недостатками их юридического регулирования.

Следует отметить, что одними из первых приступили к внедрению медиаправовых знаний социальные сети. Правила пользования той или иной социальной сетью опираются на нормы действующего законодательства, и в ситуации юридической неопределенности, в отношении собственного правового статуса, тем не менее, стали первыми навигаторами в новой коммуникационной среде. Внимательное изучение правил работы с тем или иным информационным ресурсом – первый шаг получения медиаправовых знаний, доступный каждому.

В основе любых правовых норм – понимание ценности прав человека как для офлайн-, так и онлайн-среды. Поэтому, как и в отношении правовой, цифровой, медийной грамотности, необходима популяризация основ медиаправовых знаний среди широких слоев населения, разработка разнообразных методик их изучения и для повседневной деятельности в интернет-среде, и профессиональной, внедрение специальных медиаправовых дисциплин на всех уровнях образования: от начальной до высшей школы. Полезны также будут специальные программы повышения квалификации в области медиаправовых знаний, просветительские мероприятия. Основной образовательной базой для внедрения медиаправовых знаний, по мнению автора, должны быть высшие учебные заведения. Проведенный, например, среди студентов-журналистов опрос о роли медиаправовых знаний в профессиональной деятельности показал, что актуальность темы выходит за пределы просто набора компетенций отдельного специалиста. Медиаправовые знания могут потребоваться в разных ситуациях, таких как учеба, общение, отдых, разрешение конфликтов.

Медиаправовая грамотность предполагает не только систему определенных знаний в области юридических правил работы в мире медиа, но и осознанное их применение на практике, способность предупреждать конфликтные ситуации, формирование правомерного поведения в медиасреде как результата высокой медиаправовой культуры. Как и медиаграмотность, медиаправовая грамотность – это непрерывный образовательный процесс. Медиаправовая грамотность – универсальная компетенция, необходимая как для повседневной жизни, так и профессиональной деятельности, с помощью которой возможно противостоять новым вызовам цифровой среды.

Список источников

- Арутюнов Г. А. Анализ понятия медиаграмотности как составляющей информационной грамотности личности // Вестник РМАТ. 2013. № 1 (7). С. 91–93.
- Атагимова Э. И., Макаренко Г. И. Правовое просвещение: проблемы и пути решения // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1 (14). С. 64–68.
- Быков И. А., Медведева М. В. Медиаграмотность как часть системы информационной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 24–32.
- Васильева В. В., Зеленина Ю. А. Правовая информированность и этическое воспитание как способы формирования здорового правосознания: консервативная трактовка // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5 (124). С. 36–40.
- Донских А. Г. Пользовательский контент как источник информационных конфликтов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2 (40). С. 63–70. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10207.
- Евсиков К. С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Том 44, № 1. С. 47–57.
- Иванова М. А. Правовая культура в условиях развития сетевого общества // Baltic Humanitarian Journal. 2019. Т. 8., № 2 (27). С. 149–152.
- Лазутина Г. В. К вопросу о тенденциях развития медиаобразования в России // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 150–155.
- Лебедева С. В. Роль медиаобразования в решении проблемы медиабезопасности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 156–160.
- Маликов Е. Ю. Ценностно-нормативная функция правовой культуры и ее роль в формировании добросовестного осуществления субъективных гражданских прав и исполнении обязанностей // Legal Concept. 2017. Том 15, № 1. С. 21–27.
- Мантурова Н. С. Правовая культура и правовая грамотность: подходы к определению // Система ценностей современного общества. 2009. № 9. С. 78–83.
- Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М. : МОУ «Информация для всех», 2014. 64 с.
- Формирование правовой грамотности и правовой коммуникации: теория и практика: Монография / [Ю. В. Гаврилова, Ю. В. Куракина, Н. Н. Маслова, Е. В. Питько, А. В. Половникова, А. А. Сорокин, Н. С. Шутикова]. М. : Книгодел, 2022. 216 с.
- Чичерина Н. В. Медиаграмотность как ключевая компетенция современного специалиста: структура и содержание // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 152–158.
- Шариков А. В. Концепции цифровой грамотности: российский опыт // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Том 3, № 3. С. 96–112.

References

- Arutyunov, G. A. (2013). Analiz poniatia mediagramotnosti kak sostavlyayushey mediagramotnosti lichnosti [Analysis of the concept of media literacy as a component of personal information literacy]. *Vestnik RMAF*, 1 (7), 91–93. (in Russ).
- Atagimova, E. I. & Makarenko, G. I. (2015). Pravovoe prosveshenie: problem I puti reshenia [Legal education: problems and solutions]. *Monitoring pravoprimeneniya*, 1 (14), 64–68. (in Russ).
- Bykov, I. A. & Medvedeva, M. V. (2020). Mediagramotnost' kak chast' sistemi informazionnoy bezopasnosti [Media literacy as part of the information security system]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria: Istoria I politicheskie nauki*, 1, 24–32. (in Russ).
- Vasilyeva, V. V. & Zelenina, Y. A. (2018). Pravovaya informirivannost' i eticheskoe vospitanie kak sposobi formirivaniya zdorovogo pravosoznaniya: koservativnaya traktovka [Legal awareness and ethical education as ways to form a healthy legal awareness: conservative interpretation]. *Vestnik Saratovskoy juridicheskoy akademii*, 5 (124), 36–40. (in Russ).
- Gavrilova, Y. V., Kurakina, Y. V., Maslova, N. N., Pitko, E. V., Polovnikova, A. V., Sorokin, A. A., Shutikova, N. S. (2022). *Formirovanie pravovoy gramotnosti I pravovoy kommunikazii* [Formation of legal literacy and legal communication: theory and practice]. Moscow: Knigodel. 216 p. (in Russ).
- Donskikh, A. G. (2021). Polzovatel'skiy content kak istochnik informazionnykh konfliktov [User content as a source of information conflicts]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2 (40), 63–70. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10207. (in Russ).
- Evsikov, K. S. (2023). Metavselenniy kak noviy obekt regulirovaniya dlya informazionnogo prava [Metaverse as a new object of regulation for information law]. *Trudi po intellektualoy sobstvennosti*, Volume 44, 1, 48. (in Russ).
- Ivanova, M. A. (2019). Pravovaya kultura v usloviyakh razvitiya setevogo obshchestva [Legal culture in the context of the development of a network society]. *Baltic Humanitarian Journal*, T. 8, 2 (27), 149–152. (in Russ).
- Lazutina, G. V. (2017). K voprosu o tendentsiyakh razvitiya mediaobrazovaniya v Rossii [To the issue of trends in the development of media education in Russia]. *Znak: Problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4 (26), 150–155. (in Russ).
- Lebedeva, S. V. (2017). Rol' mediaobrazovaniya v reshenii problemi mediabezopasnosti [The role of media education in solving the problem of media security]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4 (26), 156–160. (in Russ).
- Malikov, E. Y. (2017). Sennostno-normativnaya funkzia pravovoi kulturi I ee rol' v formirovanii dobrosovestnogo osuchestvleniya subektivnykh grazhdanskikh prav I ispolnenii obyazannostey [Value and regulatory function of legal culture and its role in formation of conscientious exercise of subject civil rights and performance of duties]. *Legal Concept*, 1, Volume 15, 21–27. (in Russ).
- Manturova, N. S. (2009). Pravovaya kultura I pravovaya gramotnost': podchodi k opredeleniyu [Legal culture and legal literacy: approaches to the definition]. *Sistema cennostey sovremennogo obshchestva*, 9, 78–83. (in Russ).
- Fedorov, A. V. (2014). *Slovar' terminov po mediaobrazovaniyu, mediapedagogike, mediagramotnosti, mediakompetentnosti* [Dictionary of terms on media education, media pedagogy, media literacy, media competence]. Moscow: MOO "Information for all". 64 p. (in Russ).
- Chicherina, N. V. (2012). Mediagramotnost' kak kluchevaya kompetenzya sovremennogo spetsialista: struktura I soderghanye [Media literacy as a key competence of a modern specialist: Structure and content]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seria: Gumanitarnie I socialnie nauki*, 1, 152–158. (in Russ).
- Sharikov, A. V. (2018). Konceptzii zifrovoy gramotnosti: rossiyskiy opit [Concepts of Digital Literacy: Russian Experience]. *Kommunikazii. Media Dizain*, 3, Volume 3, 97. (in Russ).

Информация об авторе

А. Г. Донских – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики массовой коммуникации института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Information about the author

Anna G. Donskikh – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Mass Communication of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 20.08.2023.
The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 20.08.2023.